

Е. Македонская,
журналист

«Дорога ко друзьям верна и коротка...»

«Он разговорился о своем одиночестве, говорил с грустью, взял мел и на открытом ломберном столе написал почти половину этой песни. Потом ему подложили перо и бумагу: он переписал написанное, и кончил тут же всю песню» — так была создана Алексеем Федоровичем Мерзляковым одна из самых популярных на протяжении более 150 лет песня «Среди долины ровныя...». Вспоминает об этом М. А. Дмитриев, писатель, поэт, племянник известного поэта И. И. Дмитриева, в книге «Мелочи из запаса моей памяти».

Долгое время музыку песни считали народной, но в 1975 году музыковеду Л. Федоровской удалось установить, что автором ее был талантливый, но давно забытый композитор Степан Иванович Давыдов, сочинивший ее вскоре после окончания Отечественной войны 1812 года. По воспоминаниям автора статьи о Мерзлякове в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Московского университета» С. П. Шевырева, впоследствии занявшего кафедру Мерзлякова, поэт был хорошо знаком с композитором и неоднократно состязался с ним, кто скорее напишет, он ли стихи или Давыдов музыку.

Песню эту распевали крепостные и студенты, узники Петропавловской крепости, в том числе и декабристы, даже литературные герои, например Кулигин из «Грозы» Островского. Не раз она звучала с больших и малых сцен, а знаменитый автор «Соловья» Алябьев написал к ней вариации.

Текст песни «Среди долины ровныя...» был создан приблизительно в 1810—1811 годах в подмосковном имении Вельяминовых-Зерновых Жодочах, упоминавшемся уже в писцовых книгах 1627 года. Жодочи находились в бывшем Верейском уезде, ныне Нарофоминском районе Московской губернии. Деревянный усадебный дом, где часто гостили

летом Мерзляков, был, по выражению издателя «Русского архива» П. И. Бартенева, «замечательным гнездом высокой образованности и живого, здравого просвещения».

Вельяминовы-Зерновы поддерживали дружеские связи с литературной средой, в их переписке встречаются имена Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского и особенно часто — А. Ф. Мерзлякова.

Алексей Федорович Мерзляков родился в 1778 году в Далматове бывшей Пермской губернии (ныне Курганская область). Будучи сыном небогатого купца, он вышел в люди исключительно благодаря своим замечательным способностям и трудолюбию. Тринадцатилетним учеником Пермского народного училища он написал «Оду на заключение мира со шведами», которая стала известна пермскому генерал-губернатору графу П. В. Завадовскому, а через него и самой императрице, распорядившейся оду напечатать, а автора отправить «на казенный кошт» в Москву для продолжения образования. Закончив Московский университетский благородный пансион и Московский университет, Мерзляков с 1804 года и до самой смерти занимает там кафедру русского красноречия и поэзии. Еще будучи студентом, он вместе с В. А. Жуковским, братьями Александром и Андреем Тургеневыми (сыновьями ректора университета), братьями Кайсаровыми, А. Ф. Воейковым и другими организует «Дружеское литературное общество», целью которого было «очищать вкус, развивать и определять понятия обо всем, что изящно и превосходно»; позднее Мерзляков становится действительным и, по отзывам современников, самым деятельным членом «Общества любителей российской словесности», членом «Обществ истории и древностей российских», Казанского и Ярославского

общества любителей словесности, почетным членом Виленского университета.

Особенной популярностью пользовались его лекции, как университетские, так и публичные, и, конечно же, его песни: «Среди долины ровныя...», «Чернобровый, черноглазый», «Я не думала ни о чем в свете тужить», «Ах, что ж ты, голубчик, не весел сидишь?» и другие.

Имя университетского профессора, поэта, критика, переводчика было широко известно в передовых кругах московского общества. Многие семьи считали за честь пригласить его давать детям уроки литературы: среди его учеников были Лермонтов, Вяземский, Лажечников. Его ученицей была и одна из дочерей Вельяминовых-Зерновых, Анисья Федоровна. Но не только уроки влекли поэта в Жодочи, где она жила, — он глубоко увлекся своею ученицей, воспевал ее в стихах, но рассчитывать на брак с высококордной дворянкой не мог.

В его поэзии этого периода часты настроения грусти, печали, одиночества. И тем не менее, как вспоминает М. А. Дмитриев, женатый на другой дочери Вельяминовых-Зерновых, Анне Федоровне, «лучшее время жизни Мерзлякова было до 1812 г. Это время было для него самое приятнейшее, самое цветущее, и для человека, и для поэта: время, исполненное мечтаний несбывшихся, но тем не менее оживлявших его пылкую думу... В подмосковной Вельяминовых-Зерновых... все его любили, ценили его талант, его добрую душу, его необыкновенное простосердечие, лелеяли и берегли его природную беспечность».

Путь в милое сердцу место запечатлен Мерзляковым в стихотворении «Маршрут в Жодочи», впервые опубликованном М. А. Дмитриевым в упомянутой книге:

Дорога ко друзьям верна и коротка;
 Но в наш проклятый век железной
 Стал надобен маршрут и к дружбе даже
 нежной!
 И так — вам встретится сперва Москва-
 река.
 Ступайте по стезе, давно уже известной
 Бедами Россиян; дерзайте на паром,
 И по Смоленской прокатитесь
 До ближняя горы, где бьют Москве челом.
 И вы не поленитесь
 Последний дать поклон московским
 суетам,
 И тотчас влево от Поклонной
 К унылым Сетунки струям,
 И близ Вольны сонной
 К Очакову направить путь,
 Отколе сладостный писатель Россиады
 Вливал восторги в русску грудь,
 А там, без всякие преграды,
 Стязею ровной и прямой,

Вы на Калужскую явитесь столбовую

И мимо Ликовой

В деревню въедете ямскую:

Ее Давыдовым зовут.

Оттоле... как сказать?.. вот вся

премудрость тут:

Вы там заметьте дом, зовомый постоялым,
 И близ его ворот

Велите рысакам удалым

Налево сделать поворот

И, поручив себя всеисильной вышней воле,

Стремитесь к Старому Николе,

Где барин Есипов пятнадцать лет

Готовит сахар нам, а сахару все нет!

А там — что говорить — малютка всякой

скажет,

Где радость, где любовь, где Жодочи

для вас,

И путь вернейший вам укажет;

И вы с любезными обниметесь чрез час!

Когда же путь свой совершите,

Прошу вас, о певце печальном

вспомните,

О скуке сироты, коль можно, потужите,

И всем его поклон низжайший объявите.

Это стихотворение интересно тем, что в нем топографически точно описана вся дорога от Москвы до Жодочей. Каждый из упомянутых Мерзляковым пунктов имеет свою богатую историю. Проследуем же вслед за поэтом по описанному им пути.

Нам встретится сперва Москва-река. На том месте, где Мерзляков ехал по деревянному, лежащему прямо на плотах мосту, построенному в 1787—1788 годах, стоит Бородинский мост, спроектированный в 1912 году, к столетнему юбилею Бородинского сражения, архитектором Р. Н. Клейном, одним из строителей теперешнего Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

По другую сторону моста, обновленного и расширенного в 50-х годах, открывается площадь Киевского вокзала, в начале прошлого века здесь на часто заливавшихся во время паводков москворецких берегах лежала Дорогомилловская ямская слобода, основанная еще в XVI веке. Отсюда начиналась Смоленская дорога, связывающая Москву с западными границами России. Все вражеские нашествия с Запада выдержала «известная бедами Россиян» дорога, шедшая от Дорогомиллова к Поклонной горе, где гости Москвы и выезжавшие из нее москвичи «били челом» — кланялись древней столице. Отсюда открывался прекрасный вид на город.

Отдав последний «поклон московским суетам», повернем налево, к «унылым Сетунки струям». Речка Сетунь, когда-то чистая и прозрачная, поросшая густым лесом, во времена Мерзлякова протекала еще за границами города. На Сетуни стоя-

ла «сонная Волянь», Волинское, старинное селение, одним из первых владельцев которого, по мнению И. Е. Забелина, был знаменитый герой Куликова поля Дмитрий Михайлович Боброк, прозванный Волинским потому, что приехал к великому князю Дмитрию Ивановичу, тогда еще не звавшемуся Донским, из Волинской земли, разоряемой поляками. Теперь это Кунцевский район столицы.

От Волинского недалеко и до Очакова. В 1781 году оно было куплено поэтом Михаилом Матвеевичем Херасковым, автором знаменитой в свое время «Россиады»; с разбором этой поэмы Мерзляков выступил в 1815 году в журнале «Амфион». Херасков поселился в Очакове вместе со сводным братом Николаем Никитичем Трубецким. Известный поэт и театрал конца XVIII века И. М. Долгорукий вспоминал, что в Очакове «был кабинет в саду, в котором помещены вензеля всех занимающихся литературой... Там ежедневно происходили очарования; разнородные сельские пиршества: театры, иллюминации, фейерверки и все, что может веселить ум и чувства... Бессмертный наш пиит, старец Херасков... в липовой роще, ходя задумавшись, вымышлял свои песни в то время, как в регулярном саду вся фамилия Трубецких предлагала гостям всякие сюрпризы. Москва переносилась вся в их мирное и волшебное увеселение».

У Хераскова в Очакове жил Петр Иванович Страхов — крупный ученый-физик, переводчик, театрал, ставший в 1805 году ректором Московского университета. Одно время Страхов был личным секретарем Хераскова, который и помог талантливому юноше получить образование.

В Очакове жил и поэт Ермил Иванович Костров, сын простого крестьянина. При содействии Хераскова он получил должность официального «университетского стихотворца», сочиняя к торжественным дням стихи.

Костров умер в бедности в 1796 году. В первом опубликованном произведении Пушкина «К другу стихотворцу» о нем есть такие строки:

Камоэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща
слава — сон.

С Очаковым связано и имя гитариста-виртуоза, композитора и педагога Михаила Тимофеевича Высотского. Сын крепостного приказчика Хераскова, он с юных лет проявил недюжинные способности к музыке. Херасков дал ему образование. После смерти хозяина Очакова в 1807 году Высотский получил волюную;

у него брал уроки Лермонтов, с ним дружили поэт А. И. Полежаев, композитор А. И. Дюбюк.

Со смертью Хераскова прекратилась оживленная литературно-музыкальная деятельность в этом замечательном уголке Подмоскovie. В 1812 году усадьбу разорили французы. И. М. Долгорукий, побывав там после их изгнания, писал: «Теперь все это руины, все мертво».

Из современного Очакова, одного из больших микрорайонов запада столицы, и сейчас можно «стезею ровной и прямой» выйти на старую дорогу, ведущую мимо бывшей деревни Ликовой в Давыдково, расположившееся по обеим сторонам шоссе.

Старо-Никольское, упоминаемое Мерзляковым, в XVII веке принадлежало окольному царя Алексея Михайловича и воспитателю его детей Ф. М. Ртищеву. В 1709 году внук Ртищева построил здесь сохранившуюся до наших дней, хотя и перестроенную, церковь. Уже в конце XIX века у ее стен похоронили писателя и журналиста Николая Аполлоновича Путятю, умершего здесь от туберкулеза. Могила его не сохранилась, хотя старожилы утверждают, что еще несколько лет назад ее можно было отыскать в зарослях около церкви.

От усадьбы гвардии полковника И. П. Мусина-Пушкина, поселившегося здесь в конце XVIII века, дошли до наших дней перестроенный главный дом и остатки старинного липового парка, террасами спускающегося к реке Десне.

Мерзляков упоминает некоего Есипова, который «пятнадцать лет готовит сахар нам, а сахару все нет». В России XIX века был в основном дорогой привозной тростниковый сахар, к тому же его ввоз из-за бесконечных войн стран-поставщиков был нерегулярным. Яков Степанович Есипов, имя которого незаслуженно забыто (его не упоминает ни один дореволюционный, да и первые советские труды по свеклосахарному делу), был первым организатором сахарной промышленности в России. В 1799 году он начал первые опыты по производству сахара из свекловицы в Старо-Никольском, а через два года вместе с Бланкеннагелем открыл завод в селе Алябьева Тульской губернии. Однако предприниматели вскоре рассорились, и в 1803 году Есипов открывает свой завод в Старо-Никольском, но в 1806 году умирает, и завод закрывается. Таким образом, есиповского сахара москвичи действительно так и не дождались, а в историю вошел не он, а Бланкеннагель. Лишь в 1950 году советский исследователь А. И. Корчинский возвратил в научный обиход имя Я. С. Есипова.

Ну, а от Старо-Никольского «малютка

всякой скажет, где радость, где любовь, где Жодочи для вас, и путь вернейший вам укажет; и вы с любезными обнимаетесь чрез час!»

Давно уже ничего не осталось ни от усадебного дома Вельяминовых-Зерновых, ни от парка, ни от церкви, стоявшей прямо на дороге, ведущей к Москве. Сейчас трудно даже установить место, где стоял дом, куда так любил приезжать Мерзляков.

В 1812 году, спасаясь от нашествия французов, Вельяминовы-Зерновы уезжают в свое орловское имение. «Мерзляков был у них при отъезде, — вспоминал М. А. Дмитриев, — и проводил их».

Отец семейства, Ф. М. Вельяминов-Зернов, остался и, как писала впоследствии Анистья Федоровна, «помчался в Вере́йский уезд принимать ратников, вооружать и одевать их». Свой дом он

предоставил беженцам. «К нам стеклось их множество со всем их бедным имуществом». Когда французы заняли Жодочи, в доме поселился на два дня Мюрат со своим штабом. «Солдаты выпили все вина, хранившиеся в погребах, бесчинствовали и все били и ломали, изрубили фортепиано и топили им камин...» — читаем мы в воспоминаниях.

Вернулись Вельяминовы-Зерновы сюда только в 1815 году. За это время Мерзляков женился на сестре своего друга — Л. В. Смирновой. Анистья Федоровна вышла замуж за помещика Кологринова, и Мерзляков больше не приезжал в Жодочи, сколько его ни приглашали. М. А. Дмитриев полагал, что «вероятно он хотел воспользоваться отвычкой, чтобы искоренить вовсе прежнее чувство, и не возобновить прежних впечатлений своего сердца».

Как сохранили памятник

На берегу реки Великой, напротив Псковского кремля, почти у самой воды стоит белая часовенка. Побывать в ней и полюбоваться замечательными фресками можно уже сейчас, хотя этот памятник и не включен еще в путеводители и справочники.

В 1911 году рядом с известной псковской церковью Успения на Пароме на месте речной переправы был сооружен двухарочный мост, названный Ольгинским в честь легендарной встречи князя Игоря с будущей женой, перевозчицей Ольгой. При въезде на мост по проекту А. В. Щусева была возведена часовня святой Анастасии, в 1913 году расписанная по эскизам Н. К. Рериха.

В 1919 году при подходе белых армий мост был взорван, его открыли через несколько лет, в день торжественного празднования пятилетия Красной Армии. В начале Великой Отечественной войны мост был опять разрушен и в первые дни освобождения Пскова восстановлен советскими саперами.

Весной 1969 года по плану реконструкции города мост начали заменять на новый, расширенный и поднятый на полтора метра. Строители приступили к работе, старый

мост был закрыт, а новый еще не построен, и рабочих псковских предприятий приходилось ежедневно перевозить через реку на катерах и лодках. В часы «пик» на берегах собирались массы людей, расположенная в центре подъезда к огромной строительной площадке часовня мешала водителям самосвалов, и появилась неумолимая, казалась, мысль о сносе часовни.

И тогда за помощью к людям, работавшим на стройке, обратилась научный консультант местного отделения ВООПИиК Элла Марковна Петухова. Она рассказывала им о творчестве Рериха и Щусева, убеждала в ценности памятника. Люди пошли навстречу...

В это время в запасниках Русского музея искусствовед, автор монографии о творчестве Рериха В. П. Князева нашла эскизы росписей свода и стен неизвестной часовни. Не было никаких сомнений, что эскизы эти были сделаны Рерихом для часовни Анастасии, так как на них были изображены Троицкий собор Псковского кремля и местный князь Довмонт, литовец, женатый на внучке Александра Невского. Теперь можно было делать пробные расчистки внутренних стен часовни. При температуре 20 градусов ниже нуля были возведены леса внутри здания; две асбестовые трубы, обмотанные включенной в электрическую сеть спиралью, подняли температуру внутри до 15 градусов тепла (обогреватели соорудили без-

возмездно рабочие стройки), и художник-реставратор В. Д. Михеев и искусствовед Э. И. Сивак приступили к пробным расчисткам. Они подтвердили, что часовня расписана по эскизам Рериха им самим или кем-то из близких его учеников. Часовня получила охранную грамоту. Было рассмотрено несколько способов ее переноса, в итоге остановились на совете рабочего Егорова, предложившего распилить часовню по горизонтали на две части и, поместив их в специальные сварные конструкции, перенести на новое место при помощи подъемного крана.

Мощный кран мягко оторвал верхнюю 55-тонную часть часовни и перенес ее на приготовленные на берегу бревна, потом была перенесена нижняя часть, их соединили; строители быстро заделали швы...

Большая часть уникальной росписи сохранилась, были утрачены лишь те фрагменты декоративных полотен, по которым прошел разрез. В куполе часовни на желто-оранжевом фоне изображен парящий голубь, на западной и восточной сторонах свода — солнце и луна, на западной стене — фигуры архангелов. Вся композиция стилизована под живопись XII века. Интересны росписи северной стены, где по обе стороны от входной двери изображен архитектурный пейзаж древнего Пскова.

В. Берман